Р. О. Гутенберг

Объект культурного наследия в условиях размещения военного госпиталя: Инженерный замок в 1941–1945 гг.

На основе разнообразных исторических источников, включая неопубликованные архивные документы, подавляющее число которых впервые вводится в научный оборот, производится анализ ключевых аспектов истории Инженерного замка в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Особое внимание уделено периоду, когда Ленинградское краснознаменное военно-инженерное училище им. А. А. Жданова было эвакуировано в Кострому и в замок с Карельского перешейка прибыли эвакуогоспитали № 1448 и № 1449. В статье показано, как с 1941 по 1944 гг. в замке боролись за жизнь раненых и больных солдат и офицеров ленинградские медики: В. Н. Васильев, А. Я. Ищенко, Е. Л. Кевеш, П. А. Куприянов, Г. Д. Образцов, А. М. Фой, В. С. Шабунин др. Изучена роль Отдела по охране памятников города и личного состава госпиталей, в тяжелейших условиях блокады, стремившихся сохранить архитектурный облик здания.

Ключевые слова: Инженерный замок, блокада Ленинграда, Отдел государственной охраны памятников, эвакуогоспиталь, военно-инженерное училище, фронтовой эвакуационный пункт

Roman O. Gutenberg

Cultural heritage site in the context of the military hospital: Engineering Castle in 1941–1945

Based on a variety of historical sources, including unpublished archival documents, the vast majority of which are first introduced into scientific circulation, an analysis of key aspects of the history of the Engineering Castle during the Great Patriotic War and the blockade of Leningrad is carried out. Special attention is paid to the period when the Leningrad Red Banner Military Engineering School named A. A. Zhdanov was evacuated to Kostroma and evakogospitali No. 1448 and No. 1449 arrived in the castle from the Karelian Isthmus. The article shows how from 1941 to 1944 in the castle fought for the life of wounded and sick soldiers and officers Leningrad doctors: V. N. Vasilyev, A. Ya. Ishchenko, E. L. Kevesh, P. A. Kuprianov, G. D. Obratsov, A. M. Foy, V. S. Shabunin. The role of the Department for the Protection of Monuments of the City and personnel of hospitals, in the worst conditions of the blockade, which sought to preserve the architectural appearance of the building, has been studied.

Keywords: Engineering Castle, blockade of Leningrad, Monument Protection Department, evacuation hospital, military engineering school, front-line evacuation point

DOI 10.30725/2619-0303-2020-1-12-17

В настоящее время отсутствуют какие-либо публикации, научные или популярные, посвященные истории Инженерного замка в период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Настоящее исследование, выполненное на основе материалов, сосредоточенных в центральных и ведомственных архивах Санкт-Петербурга, а также документов личного происхождения – воспоминаниях и дневниках людей, находившихся в осажденном городе, призвано, во-первых, заполнить лакуну в историографии проблемы, и, во-вторых, в 75-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне отдать дань памяти защитникам и жителям Ленинграда.

В 1941 г. Инженерный замок, принадлежащий квартирно-эксплуатационной части Ленгарнизона, занимало Ленинградское краснознаменное военно-инженерное училище им. А. А. Жданова Народного комиссариата обороны

СССР [1, л. 71]. 22 июня весь личный состав училища находился в Лужском летнем лагере, откуда курсанты вместе с населением отправились на возведение оборонительных сооружений. Через пять дней после начала войны из училища на Карельский перешеек был отправлен отряд для создания фортификационных заграждений. В июле-августе в Инженерном замке состоялось восемь ускоренных выпусков, подготовивших младший командный состав для фронта [2, с. 178–182, 186]. Как вспоминал мобилизованный в середине июля Горвоенкоматом Царского Села А. М. Рахмилевич, «мы прибыли в Ленинград в Инженерный замок <...> Здесь нас наголо подстригли, помыли и облачили в военное хлопчатобумажное обмундирование. На ноги обули кирзовые сапоги, «накинули бывшие в употреблении шинели. <...> Из нас, годных к военной службе, но необученных, пользовавшихся отсрочками от призыва, сформировали

2-й специальный взвод 7-й роты Инженерного батальона. В состав взвода были включены лица с законченным и незаконченным высшим образованием, а также имеющие среднетехническую подготовку – все сравнительно молодого возраста» [3, с. 6]. По утверждению другого автора этих воспоминаний, курсанты 7-й роты отдыхали на двухъярусных кроватях, находившихся в бывшей опочивальне Павла I. По-видимому, уже после 1937 г. здесь была организована комната для отдыха. Помимо обучения новобранцев военно-инженерному делу в замке осуществлялась подготовка солдат химико-дегазационных рот, размещенных в черте города. Во дворе здания представители службы МПВО объясняли, как обезвреживать зажигательные бомбы [4, с. 55].

В середине августа 1941 г. по указу правительства училище было эвакуировано в Кострому [5, л. 17]. Тогда же Отдел государственной охраны памятников на основании постановления Исполкома Ленгорсовета приступил к проверке и отбору «художественных и материально-ценных вещей» из Инженерного замка, подлежащих эвакуации [1, л. 210]. Речь шла о предметах, составлявших экспозицию музея училища. Почти все они были вывезены из Ленинграда в блокаду [6, л. 302, 306]. Монументальная живопись эпохи Павла I и другие исторические предметы отделки залов до конца войны оставались на своих местах.

Стремительное приближение войск противника к городу на Неве вынудило советское командование начать переброску гражданских и военных учреждений из области в глубокий тыл. В связи с чем руководство Санитарного Управления Ленинградского фронта (СУЛФ) предполагало передислоцировать, находящиеся в поселках Териоки и Раута эвакуогоспитали (ЭГ) № 1448 и № 1449 в города Свердловск и Глазов. Однако из-за сложной обстановки на фронте пришлось отказаться от этого рискованного мероприятия. Приказом начальника СУЛФ от 31 августа 1941 г. за № 1/544-2 эти военные госпитали надлежало перевести в Инженерный замок в Ленинграде [7, л. 81]. С 13 сентября они начинают «доразвертываться» с 300 коек до 500. 16 сентября въезжают в замок, а к 25 числу того же месяца количество коек в каждом госпитале увеличилось до 1000 [7, л. 101, 112–113; 8, л. 31]. Снабжение госпиталей медикаментами и санитарно-хозяйственным имуществом было возложено на Леноблздравотдел. Все находившиеся в Ленинграде эвакуогоспитали подчинялись фронтовому эвакуационному пункту № 50 (ФЭП-50), который комплектовал, назначал и перемещал

личный военный состав эвакуогоспиталей; осуществлял оперативно-эвакуационное руководство эвакуогоспиталями, нес ответственность за учет и использование лечебных коек; руководил организацией лечебного дела; решал вопросы специализации коек, содержания и выписки больных и раненых [9, л. 407].

Оба хирургических эвакуогоспиталя для тяжелораненых, с наличием терапевтических отделений, были размещены на двух противоположных крылах здания [8, л. 3], находившегося по адресу ул. 3 Июля д. 2 (ул. Садовая, д. 2). Павильоны Инженерного замка в то время занимали совершенно другие организации. Восточный павильон (ул. Инженерная, д. 10) – общежитие вольнонаемных Ленгарнизона и Военторг Ленинградского Военного округа; Западный (ул. Инженерная, д. 8) – Гарнизонная поликлиника [10, л. 7–8]. Начальником ЭГ 1448 был военварч 3-го ранга Н. И. Номоконов, ЭГ 1449 военварч 3-го ранга З. С. Позин. Уже в сентябре 1941 г. загрузка госпиталей стала достаточно высокой: 1448 – 86,4 %; 1449 – 57,5 % [11, л. 3]. Больных и раненых доставляли в основном с Ленинградского фронта. Как вспоминал прибывший осенью в блокадный город начальник погранзащиты А. П. Козлов, «тревожная картина предстала перед нами в Инженерном замке, где размещался эвакуогоспиталь. Тревожная и печальная. Стоны, кровь, сбившиеся с ног врачи, сестры и санитары, а главное, беспрерывные вереницы машин у подъезда. Все везут и везут раненых, хотя госпиталь и без того переполнен» [12, с. 70]. Как правило, в госпитали, находившиеся в замке, привозили через 4–7 дней после ранения (38 %). Значительная часть поступивших были пострадавшие от пулевых и осколочных ранений [13, л. 84].

Размещение госпиталей в Инженерном замке совпало с распоряжением Военного Совета и решением Исполкома Ленгорсовета о «маскировке золоченых шпилей города». Эта работа была возложена на Отдел государственной охраны памятников, которому надлежало, используя аварийно-реставрационные мастерские Ленизо и помощь лучших альпинистов Ленинграда, в кратчайшие сроки скрыть от вражеской авиации и артиллерии главные архитектурные доминанты. На производство этих работ из городского бюджета было выделено 70 000 рублей и необходимое оборудование и материалы. Автотранспортное управление Ленсовета (АТУЛ) прикрепило к Отделу автомобиль «Пикап». Верховлазам выдали «10 пайков повышенной калорийности со 100 гр. водки – ежедневно» [1, л. 206]. Ответственным за проведение маскировочных работ по Инженерному замку был

назначен архитектор С. Н. Давыдов. Сокрытием шпиля надлежало заниматься бригаде из четырех альпинистов: М. М. Боброву, А. Л. Зембе, С. М. Остудину, М. И. Шестакову [1, л. 208]. В конечном итоге вместо Остудина и Шестакова в команду верхолазов вошли О.В. Фирсова и А. И. Пригожева. Отдельно следует сказать, что М. Бобров приступил к работе по маскировке сразу же после выписки из госпиталя в замке, где он проходил лечение после контузии, полученной на Ленинградском фронте. Позднее он вспоминал, что его палата находилась в бывшем Тронном зале Павла I [14, с. 41].

По просьбе Отдела бригаде альпинистов из Музея городской скульптуры были выданы 65 мешков, а из Пожарной команды им. В. И. Ленина легкая раздвижная лестница. Чехлы для маскировки золоченых шпилей шили «девушки-матросы <...> в швальне Адмиралтейства» [14, с. 66] и направленные на оборонные работы артистки Кировского театра [15, с. 21]. Профессиональными музыкантами были альпинисты О. Фирсова, М. Шестаков и др. На завершающем этапе работы – обшивке бронзовых факелов мешковиной, произошел драматический случай. Девушек-альпинисток как обычно солдаты подняли на высоту, закрепив веревки и договорившись, что спустят их через несколько часов. Днем началась бомбежка. Снаряды попали в Инженерный замок. Вспыхнул пожар и о верхолазах забыли, вернувшись за ними лишь в полночь. Девушки провисели на шпилье 16 часов. Описывая этот случай, М. Бобров отметил, что продолжительное нахождение на церковном шпилье замка не прошло для А. Пригожевой даром, там «она всерьез простудила почки. И уже не оправилась от этого заболевания до самого конца» [14, с. 67–68]. 20 октября городская комиссия составила акт о том, что все «работы выполнены, закончены и считаются принятыми». В тот же день верхолазы были сняты с довольствия в ЭГ 1448, куда их прикрепили в начале месяца по просьбе руководства Отдела и с согласия начальника санитарного управления Ленинградского фронта [1, л. 159]. После этого, в соответствии с принятым 25 октября 1941 г. Исполком Ленгорсовета решением «об организации работы по фиксации исторических, архитектурных и скульптурных памятников города Ленинграда», на обмер и фотофиксацию Инженерного замка была направлена группа специалистов архитектурно-проектной мастерской Главного интендантского управления Красной армии под руководством архитектора Л. В. Руднева [1, л. 189]. В отчете о деятельности Государственной инспекции по охране памятников

Ленинграда за время войны говорилось о том, что маскировка шпилей города без лесов была совершенно особой «по своей специфичности и большому оборонительному значению» работой, которая имела в истории города лишь один прецедент – «ремонт шпиля Собора Петропавловской крепости кузнецом Телушкиным» во второй четверти XIX в. [16, л. 23–24].

За три с половиной месяца до маскировки шпиля сняли с пьедестала конную статую Петра I перед Инженерным замком. В отличие от других бронзовых городских изваяний ее не закрывали на месте. Она была срезана автогеном и с помощью подъемного крана опущена на землю. Ее смазали воском и тавотом, обернули плотной белой бумагой, рубероидом, веревками и, положив на бок, закопали в здесь же вырытой глубокой яме [17, с. 44–45]. В октябре архитектор А. Э. Гессен выполнил обмер и зарисовку пьедестала памятника. Вспоминания об этом времени драматург Е. Шварц писал: «Я каждый раз в страшные дни 1941 года, глядя на пустой постамент, говорил себе, что Петр на фронте» [18, с. 17].

Обследование работы госпиталей в Инженерном замке, проведенное военно-врачебной комиссией Ленфронта в конце октября 1941 г., не выявило каких-либо серьезных нарушений. На время инспекции в ЭГ 1448 на 1000 штатных коек фактически было развернуто 900, и на такое же число штатных мест в ЭГ 1449 – 1040 коек. В то же время члены комиссии зафиксировали в акте, что оба медучреждения испытывают острый дефицит специалистов. И рекомендовали ФЭП-50 помочь наладить консультации у бывших в том и другом госпитале врачей «без перебоев и ненужных счетов». По результатам проверки комиссии последовало распоряжение командующего Ленфронтом: эвакуогоспитали 1448 и 1449 на 1000 коек каждый соединить в один – на 2000 коек, и оставить за ним номер 1448 [19, л. 160, 195]. В течение нескольких недель после слияния один из самых больших ленинградских эвакуогоспиталей возглавлял З. Позин. Затем СУЛФ назначило на эту должность военврача 1-го ранга хирурга В. С. Шабунина.

После слияния загруженность госпиталя составила 96,5%. Несмотря на то, что в это время обозначилась большая скученность коек, условия госпитализации были еще вполне удовлетворительными [11, л. 4]. Однако в январе 1942 г. положение в замке существенно ухудшилось. Возникли перебои в снабжении водой, продовольствием и отоплением. Воду стали брать в Неве. Продукты в госпиталь приходилось доставлять на тележках и санках. Количество боль-

ных (истощение, колиты, обморожение) стало превалировать над количеством раненых. В то же время, недостаток питания сказывался и на личном составе, который перенес алиментарную дистрофию, цингу и дизентерию. В документах говорится о том, какой «жуткий вид» был у «истощенного как скелет» одного из хирургов госпиталя В. Н. Васильева, который «оперировал, несмотря на слабость, пока окончательно не свалился от проливного не прекращающегося поноса. Девушки медсестры и санитарки <...> превратились буквально в старух, стали неузнаваемыми от голода и вследствие выпадения функции эндокринных желез» [8, л. 3]. Продовольственное положение медперсонала осложнялось также тем, что с 1 октября 1941 г., по постановлению Государственного Комитета Обороны, «никто из личного состава эвакуогоспиталей, кроме лиц, состоящих в кадрах Красной армии, военного обмундирования и военных пайков не получает» [20, л. 73 об.].

В «смертное время» большая часть жизни госпиталя была перенесена в подвалы и нижние этажи здания, откуда при отсутствии физически сильных санитаров и медсестер и по удаленности размещения были малодоступны некоторые подразделения, например рентгеновский кабинет [11, л. 28]. Первое хирургическое отделение, рассчитанное на 205 коек, находилось в подвальном помещении. Оно было очень сырое, с покрытыми плесенью стенами. В январе 1942 г. здесь не работали канализация и водопровод. Перевязочная отделения стала в то же время и «операционной и эндоскопической». Вследствие заделки окон фанерой и мешками от попадания в них осколков снарядов не было естественного освещения. Электричество подавали нерегулярно. Уже в начале декабря 1941 г. Ленэнерго сократило суточный расход электроэнергии для всех находившихся в городе эвакуогоспиталей в три раза. В случае превышения этого лимита электричество могло быть немедленно отключено [21, л. 74]. Как сообщалось в годовом отчете о работе ЭГ 1448, «однажды высокая ампутация бедра была произведена при освещении лучиной» [11, л. 28].

Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия, коллектив делал все возможное для нормализации жизни госпиталя: обеспечил самозаготовку дров, отремонтировал центральное отопление, установил «блок-станцию», наладил культурно-просветительскую работу. В замке больных и раненых солдат и офицеров регулярно навещали шефы – «Ленэнерго», Управление трудовых резервов и др. Выступали артисты театра Музкомедии, Кировского, Эстрады, Филармонии и Цирка. В первом квартале 1942 г. в Инженер-

ном замке состоялись крупные медицинские конференции. Самая значительная – «научная конференция терапевтов», была организована главным терапевтом Ленфронта.

В блокаду Инженерный замок неоднократно подвергался артиллерийским обстрелам и воздушным бомбардировкам. Свое первое «боевое крещение» он получил уже в конце сентября 1941 г. [22, с. 37]. Однако наиболее серьезные повреждения зданию нанес налет немецкой авиации 4 апреля 1942 г. Недаром его считают одним из самых разрушительных за всю историю осады Ленинграда. В 17 ч. 50 м. две фугасных бомбы по 250 кг каждая попали в северо-восточную часть госпиталя, разрушив Краснознаменный (Георгиевский) зал, а также помещения первого, второго и третьего этажа, включая «чердак со стропильными фермами» [23, л. 5]. Полностью был уничтожен рентгеновский кабинет, под обломками которого погибли рентгенолог Е. П. Кирикова и рентгенотехник М. И. Пояркова. Их тела смогли извлечь из под завала только через полтора месяца [8, л. 2]. Получили контузию старший терапевт госпиталя Д. И. Фейман и начальник лаборатории Ц. Д. Гетман. Всего в результате авиабомбардировки погибли 60 человек: 54 больных и раненых, 6 медицинских работников [5, л. 449]. Морг госпиталя находился в бывшей дворцовой церкви, откуда тела погибших вывозили на Пискаревское кладбище.

В ночь с 4 на 5 апреля 1942 г. все больные и раненые, которых на момент трагедии в Инженерном замке находилось 1964 человека, по приказанию начальника ФЭП-50, были переведены в другие близлежащие госпитали.

В последующие месяцы ЭГ 1448, возглавляемый военврачом 2-го ранга А. М. Фоем, был законсервирован. Личный состав госпиталя своими силами восстанавливал разрушенное здание, «занимался переучетом и приведением в порядок всего санхозимущества» [8, л. 449]. Здесь же проходили профессиональную переподготовку медицинские работники.

Ремонтно-восстановительные работы завершились в середине июня 1942 г. В это время ЭГ 1448 подготовил к эксплуатации 9 отделений на 1000 коек. Как сообщалось в одном из отчетов госпиталя: «когда он снова начал функционировать, условия госпитализации стали прекрасными» [11, л. 5]. В дальнейшем бомбы неоднократно разрывались прямо во дворе Инженерного замка, нанося ущерб исторической отделке здания. Последние попадания артиллерийских снарядов относятся к 1944 г. Тем не менее, серьезных «апрельских» разрушений уже больше не было. Вероятно, замок перестал

быть хорошей мишенью для немецкой авиации после того, когда на его крыше замазали красный крест, наносимый согласно Гаагской конвенции на крыши городских госпиталей и больниц [24, с. 131].

Летом-осенью 1942 г. Отдел Штаба комплектования Ленфронта присвоил эвакуогоспиталю, развернутому в Инженерном замке, новые номера: № 70, на базе которого начал действовать госпиталь для легкораненых (ГЛР) № 4177; и затем в сентябре того же года – № 281 [5, л. 215, 269, 292]. В январе 1943 г. по приказу Санитарного управления Красной армии ЭГ 281 выехал на Юго-Западный фронт. В замке продолжил функционировать ГЛР 4177, начальником которого до окончания войны был майор медицинской службы Л. С. Рывлин.

ГЛР 4177 был рассчитан на 1000 коек, но в дни прорыва блокады количество раненых достигало 2000 человек. В строевом отношении ГЛР приравнялся к воинской части, а медицинские отделения – к роте. Как правило, здесь не было больных с длительным сроком лечения. Выписка в часть иногда доходила до 100 человек в день. В отличие от руководства ЭГ 1448, которое считало, что Инженерный замок – это неудачное место, «крайне затрудняющее приспособление его под здание для учреждения госпитального типа» [11, л. 1], личный состав ГЛР оценивал свое нахождение в Инженерном замке очень высоко. Здесь были организованы три гимнастических зала, а во дворе две спортивные площадки. В летнее время со стороны р. Мойки, где почти всю территорию занимали грядки, был оборудован солярий для раненых, перенесенный затем в центральный двор.

В январе 1944 г. обитатели замка наблюдали со стороны северного фасада салют в честь снятия блокады. Э. И. Лещинская вспоминала, что «на другой день весь снег перед замком был усеян кружочками от ракет – они были разного цвета. Мы их собрали и долгие годы потом закрывали ими числа при игре в лото. Я благодарна этому замку. Может быть, это он сохранил мне жизнь в блокаду» [26, л. 1].

В конце апреля был поднят вопрос о реэвакуации Инженерного училища в Ленинград. Ремонтно-восстановительные работы в здании предполагалось завершить уже в самом начале осени, для чего из училища в город выехала строительная команда из 160 человек [5, л. 17]. В сентябре 1944 г. ГЛР 4177 был переведен из замка в военный городок пос. Гарболово. Личный состав госпиталя за неоднократную работу «по восстановлению художественного памятника старины» полу-

чил благодарность от маршала инженерных войск. В октябре «Ленинградская правда» сообщала своим читателям, что реставрацию Инженерного замка предполагают закончить в конце 1944 г. Однако, как свидетельствуют архивные документы, этот сложный во многих отношениях процесс, затянулся вплоть до начала 1950-х гг. [6, л. 233].

Подводя итоги исследования, следует сказать, что судьба Инженерного замка военной поры была представлена в данной работе в самом общем виде. Многие аспекты этой большой темы, такие как Постановление Военного совета Ленфронта о размещении в стенах замка в 1943 г. выставки «Героическая защита Ленинграда», нахождение штаба 2-го боевого участка полосы обороны Краснознаменного Балтийского флота (КБФ), штаба тыла Ленинградского фронта и т. д., еще требуют серьезного изучения и проверки документами, находящимися в центральных и ведомственных архивах.

Список литературы

1. Архив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. Ф. 167-1. П-3263. 1941–1945.
2. Старейшее инженерное / под общ. ред. В. В. Жигайло. Клининград, 1978. 382 с.
3. Рахмилевич А. М. Яловые сапоги: записки офицера инженерных войск. Санкт-Петербург: Гос. Русский музей, 2015. 160 с.
4. Мохов М. М. Моя война: записки рядового необученного. Санкт-Петербург: ИПК «Вести», 2011. 288 с.
5. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА Санкт-Петербурга). Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1138.
6. Архив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. Ф. 167-1. П-885. 1948–1951.
7. Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (военно-медицинских документов г. Санкт-Петербург). Ф. 141. Оп. 5928. Д. 6.
8. Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (военно-медицинских документов г. Санкт-Петербург). Ф. 3802. Оп. 33696. Д. 1.
9. ЦГА Санкт-Петербурга. Ф. 9156. Оп. 6. Д. 3.
10. Архив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. Ф. 167-2. П-258. 1941.
11. Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (военно-медицинских документов г. Санкт-Петербург). Ф. 141. Оп. 12190. Д. 13.
12. Козлов А. П. Тревожная служба. Москва: Воениздат, 1973. 263 с.
13. Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (военно-медицинских документов г. Санкт-Петербург). Ф. 141. Оп. 12189. Д. 23.

14. Бобров М. М. Хранители ангела: записки блокадного альпиниста. Санкт-Петербург: СПбГУП, 1998. 140 с.
15. Танцун под обстрелами: дневники артистов Кировского театра 1941–1944 гг. Из осажденного Ленинграда. Выборг: Воен. музей Карел. перешейка, 2019. 136 с.
16. ЦГА Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 598.
17. Крестовский И. В. Укрытие и охрана памятников // «Успеть поработать для вечности...»: Н. Н. Белехов, А. Н. Петров, Е. Н. Петрова: жизнь и творчество / О. М. Кормильцева, А. Г. Леонтьев, М. А. Петрова. Санкт-Петербург: ПроPILEI, 2009. 199 с.
18. Шварц Е. Л. Живу беспокойно...: из дневников. Ленинград: Совет. писатель, 1990. 749 с.
19. Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (военно-медицинских документов г. Санкт-Петербург). Ф. 141. Оп. 12189. Д. 6.
20. Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (военно-медицинских документов г. Санкт-Петербург). Ф. 141. Оп. 35484. Д. 92.
21. Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (военно-медицинских документов г. Санкт-Петербург). Ф. 141. Оп. 12189. Д. 5.
22. Владимиров И. А. «Памятка о Великой Отечественной войне»: блокадные заметки 1941–1944 гг. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009. 179 с.
23. Архив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. Ф. 167-1. Н-3709. 1941–1943.
24. Блокада глазами очевидцев: интервью с В. Н. Номоконовым // Человек и война: источники, исслед., рец. Санкт-Петербург: Нестор-история, 2003. 446 с.
25. Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (военно-медицинских документов г. Санкт-Петербург). Ф. 141. Оп. 44598. Д. 1.
26. Лещинская Э. И. Воспоминание об Инженерном замке в блокаду. URL: <http://nk.ast.ru/musey/story/448/>. (дата обращения: 26.06.2018).
8. Branch of the Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation (military medical documents, St. Petersburg). F. 3802. Op. 33696. D. 1 (in Russ.).
9. CSA Saint-Petersburg. F. 9156. Op. 6. D. 3 (in Russ.).
10. Archive of the Committee for state control, use and protection of historical and cultural monuments. F. 167-2. P-258. 1941 (in Russ.).
11. Branch of the Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation (military medical documents, St. Petersburg). F. 141. Op. 12190. D. 13 (in Russ.).
12. Kozlov A. P. Disturbing the service. Moscow: Military Publ., 1973. 263 (in Russ.).
13. Branch of the Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation (military medical documents, St. Petersburg). F. 141. Op. 12189. D. 23 (in Russ.).
14. Bobrov M. M. Guardian angel: note the blockade of the climber. Saint-Petersburg: Saint Petersburg Univ. of the Humanities and Social Sciences, 1998. 140 (in Russ.).
15. Dancing under fire: the diaries of artists of the Kirov theatre 1941–1944. From besieged Leningrad. Vyborg: the Military Museum of the Karelian isthmus, 2019. 136 (in Russ.).
16. CSA Saint-Petersburg. F. 7384. Op. 17. D. 598 (in Russ.).
17. Krestovskiy I. V. Shelter and protection of monuments. «To have time to work for eternity...»: N. N. Belenov, A. N. Petrov, E. N. Petrov: life and work / M. O. Kormil'tseva, A. G. Leontiev, M. A. Petrova. Saint-Petersburg: Propilei, 2009. 199 (in Russ.).
18. Schwartz E. L. I live uneasily ... from diaries. Leningrad: Soviet pisatel', 1990. 749 (in Russ.).
19. Branch of the Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation (military medical documents, St. Petersburg). F. 141. Op. 12189. D. 6 (in Russ.).
20. Branch of the Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation (military medical documents, St. Petersburg). F. 141. Op. 35484. D. 92 (in Russ.).
21. Branch of the Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation (military medical documents, St. Petersburg). F. 141. Op. 12189. D. 5 (in Russ.).
22. Vladimirov I. A. «Memo to the great Patriotic war»: siege notes 1941–1944. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2009. 179 (in Russ.).
23. The archive of the Committee for state control, use and protection of monuments of history and culture. F. 167-1. N-3709. 1941–1943 (in Russ.).
24. The blockade through the eyes of witnesses: interview with V. N. Nomokonov. *Man and war*: sources, research, rev. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2003. 446 (in Russ.).
25. Branch of the Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation (military medical documents, St. Petersburg). F. 141. Op. 44598. D. 1 (in Russ.).
26. Leshchinskaya E. I. The Memory of the Engineers' castle in the blockade. URL: <http://nk.ast.ru/musey/story/448/> (accessed: Jun.26.2018) (in Russ.).

References

1. Archive of the Committee for state control, use and protection of historical and cultural monuments. F. 167-1. P-3263. 1941–1945 (in Russ.).
2. Zhigailo V. V. (ed.). The oldest engineering. Kaliningrad, 1978. 382 (in Russ.).
3. Rakhmilevich A. M. Barren boots: notes of officers of engineering troops. Saint-Petersburg: State Russian Museum, 2015. 160 (in Russ.).
4. Mokhov M. M. My war. Notes ordinary untrained. Saint Petersburg: IPK «Vesti», 2011. 288 (in Russ.).
5. Central state archive of Saint-Petersburg (CSA Saint-Petersburg). F. 7384. Op. 17. D. 1138 (in Russ.).
6. Archive of the Committee for state control, use and protection of historical and cultural monuments. F. 167-1. P-885. 1948–1951 (in Russ.).
7. Branch of the Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation (military medical documents, St. Petersburg). F. 141. Op. 5928. D. 6 (in Russ.).